

«Я устала от лагерей...»

В архивном деле сохранилась ее собственноручно написанная автобиография. Родилась Антонина Ивановна в 1897 году в Ставрополе. Отец был народным учителем, мать - домохозяйка, занимавшаяся воспитанием восьмерых детей. Антонина Ивановна далее устанавливается лишь на фактах трудовой биографии: в 1931 году работала врачом-физиком в туберкулезном диспансере Северо-Кавказской железной дороги, 29 декабря 1937 года была арестована как ЧСИР - «член семьи изменника Родины», ее муж как брат опального первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии тоже был арестован. Как позже ей сообщали, он умер на первом же году лагерной жизни в одном из сибирских лагерей от крупозного воспаления легких. Антонина Ивановна была осуждена - только за принадлежность к семье «врага народа» - на пять лет лишения свободы.

Из ростовской тюрьмы по этапу она попала сначала в Акмолинский лагерь. Ее, дипломированного врача, использовали на общих работах: пришлось заготавливать камыш, освоить работу точилицы ножей, потом вышивальщицы. А с 1 августа 1939 года она была по этапу направлена в Долинку - своеобразную «столицу» Карлага. Тут была востребована ее специализация врача-физиком: туберкулез свирепствовал в лагерь, где создавались «благоприятные условия» для болезни в силу недооценки, антисанитарии при тяжелом физическом труде. Работая в центральном лазарете САНУ - санитарного отдела, она выезжала на ликвидацию сыпного тифа в поселок Карабас, за что была отмечена благодарностью по лагерю и даже денежной премией. Потом Гикало была и начальником санчасти в сангородке, и врачом в поликлинике, заведующей больницей в Жаргетском отделении.

Уже давно истек ее лагерный срок, но ее по-прежнему держали при лагере, только теперь в качестве «вольнорабочей», хотя не ее то была воля - чужая. В 1953 году, когда после смерти Сталина началось сокращение лагерей и массовое освобождение из лагерей политзаключенных, она по-прежнему «незвездная» и допущенная по отчаянию, решаете подать прошение. Первое, в мае 1953 года, осталось безответным, а во второе письмо сохранилось в архиве до сего дня. Это даже не письмо - крик измученной души!

Она писала начальнику Карлага: «Мне 56 лет. Я хочу иметь на старости лет что-то постоянное, мне такую работу предлагаю, но не буду же ждать бесконечно... Сейчас лагерь сокращаются. Но меня все еще не отпускают, хотя я уже вольнорабочая. Я хочу, чтобы вы поняли, какую травму, какое горе нанесли мне отказом об увольнении. Вы же человек! В 1937 году у меня отняли честное имя, семью, дом, лучшие годы моей жизни. В чем моя вина? В том, что я жена брата Гикало Николая Федоровича, бывшего секретаря ЦК ВКП(б) Белоруссии? Могла ли я знать, что он делает, что он думает, если никогда с ним не встречалась? Только один раз виделась... Он был государственным деятелем, а я маленькая, обыкновенный человек. Из-за этого 5 лет лагеря, сначала на общих работах, а потом врачом.

В свою работу я вкладывала свой энтузиазм, любовь, душу, не думая, что я заключенная. В Карлаге проработала 16 лет, и за это время ничего порочащего меня не было. Я отдавала себя больным. Я одинокая, совершенно никому не нужна. Когда стану старой, буду без работы. Несужели за все свои страдания. За честную работу я не могу получить право устроить свою жизнь, получить постоянную работу, которую мне предлагают? Я просто устала от лагеря, от вида проволоки, от Долинки!.. Отпустите меня! Не могу я больше! Вся жизнь опустошена...». И подпись: Гикало.

На это прошение-мольбу, написанное 2 июня 1953 года, лишь 5 марта 1954 года был подписан приказ об увольнении Гикало из Карлага «в связи с выездом». Как сложилась дальнейшая судьба мученицы, проведшей в Карлаге вместо пяти назначенных лет все 16, куда она потом вышла, в архиве сведений нет. Но есть короткая справка, что в 1955 году дело А.И. Гикало было пересмотрено и все обвинения с нее сняты. Реабилитация опоздала на целую жизнь!

Репорт из Балхашлага

Эта история совсем о другом человеке, хотя адрес местопребывания все тот же - лагерь с колючей проволокой, и уже не в далекой, а очень

близкой стороне. Потому что Балхашлаг, вернее, его развалины расположены в нескольких километрах от Балхаша. Достопримечательностью его можно назвать с большой натяжкой, и все-таки это тоже памятник нашей истории. В городе и теперь живут немало бывших узников Балхашлага, возможно, кто-то из них помнит имя Петра Ивановича Зубарева.

Он был начальником Балхашлага, который во владениях Карлага значился как 20-е отделение исправительно-трудовой системы НКВД СССР. Время правления Зубарева в Балхашском лагере пришлось на сороковые, военные годы. Тогда и был написан этот почти победный репорт о трудовых достижениях во вверенном ему хозяйстве, причем особенно старательно подчеркнута роль само-

рулликах, и на стройках города, дадутся, под конвоем. В военные годы и на воле жизнь трудно было назвать сытной, что же говорить о скудных пайках в лагерь? Как и об общих лагерных условиях быта? Но кто тогда придавал этому значение? Дешевая рабочая сила пополнялась благодаря системе репрессий постоянно. Так что репорт был достоверным. Людей за цифрами не видно, главное, что был план и даже сверхплановое «выполнение задач». Уж за этим бдительное следило лагерное начальство в лице того же Зубарева.

О его личности в архивном деле № 8150 в дополнении к вышеприведенному репорту, который свидетельствует о явно незаурядных организаторских способностях начальника

года без поражения в правах. Отбыл меру наказания при Карлаге НКВД. 20 декабря 1935 года был освобожден и отправлен работать по вольному найму при Карлаге. Все время работал по линии культуры воспитательного отдела управления Карлага, первые годы инспектором, а потом начальником КВЧ Долинского отделения. С 3 сентября 1940 года был назначен на работу начальником Балхашского отделения Карлага НКВД. Решением заседания Президиума Верховного Совета СССР от 5 июня 1939 года судимость с меня снята. В октябре 1939 года я был принят кандидатом ВКП(б).

Далее следует то, что уже известно читателю: организация ударной работы вверенных ему заключенных Балхашлага на выполнение и перевыполнение заданий. Такая вот история...

В щупальцах спрута

И хотя в двух жизнеописаниях - Гикало и Зубарева - их разделяет та самая колючая проволока, на которую Антонине Ивановне уже неважно было даже смотреть, а Петр Ивано-

к этой непростой - по времени и судьбам - теме? Ответы читайте в интервью с А. Плахотинным.

Документы, представленные для публикации, оказались лишь вершиной большого айсберга, который открыл в ходе архивных поисков Алексей Юрьевич Плахотин. Его рассказ о других находках в Карагандинском областном архиве обнажил целый пласт неизвестных ранее страниц истории Карлага и Балхашлага.

- Алексей Юрьевич, а почему вы заинтересовались архивом и вообще историей Карлага и Балхашлага? Что подтолкнуло к этому?

- Наверное, все началось еще в школе. Уже в 7 классе я понял, что буду историком, потому что мне этот предмет был особенно интересен. Я очень благодарен своей учительнице Евгении Александровне Вовк, которая вела историю в нашей ЦШ № 9. Это незаурядный педагог, ее уроки были не по учебникам. Да и не могли учебники поспеть за сменяющимися историческими вехами и политическими событиями. Евгения Александровна учила нас думать широко, самостоятельно оценивать, анализировать политическую ситуацию в стране. А это были бурные 90-е годы с распадом Советского Союза, со сменой прежней тоталитарной системы на первые демократические преобразования. Тогда было очень много ярких публикаций в журнале «Огонек», который смелее других изданий говорил правду, рассказывал о прошлом без идеологических прикрас. Часть этих статей Евгения Александровна передала мне, когда уходила на пенсию. Говорила она и о ГУЛАГе, тогда уже вышла книга А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Но тогда я не предполагал, что займусь этой темой.

Я окончил исторический факультет Карагандинского государственного университета, темой моей дипломной работы были «Социально-экономические отношения в казахском ауле в конце XIX и начале XX веков». Руководителем моей дипломной работы Манен Ембергенович Омаров, на кафедре которого я специализировался, посоветовал мне продолжить научную работу. Но все-таки о научной работе я все-таки не думал, я уже работал по специальности, преподавал политологию в медицинском колледже, где и сейчас продолжаю работать. К тому же между Балхашским медколледжем и Карагандинской медицинской академией существует тесная связь - создан учебно-методический комплекс, так что есть возможности и для занятия наукой, и для контактов.

Потом меня пригласили на научно-практический семинар, который состоялся в Караганде с участием - кроме казахстанских ученых - представителей Германии, Дании, Нидерландов. Темой встречи «Казахстанский ГУЛАГ». Тогда было положено только начало большой работе, которую решено было продолжить по самым различным аспектам жизни ГУЛАГа, его Карагандинского филиала - Карлага, который, в свою очередь, также имел несколько отделений, в частности, 20-е Балхашское отделение. Было решено собрать дополнительные материалы, подготовить серию публикаций, возможно, выпустить своеобразную энциклопедию или сборник по Карлагу.

Чтобы подробнее исследовать состояние заключенных в лагерях того времени, кто-то взялся разработать тему охраны лагерей, кто-то - культурно-просветительскую работу. Я выбрал практически неизвестную тему, которая стала темой для будущей диссертации «Становление и развитие медико-санитарной службы ГУЛАГа в 1929-1959 годах». Тема по-настоящему захватила меня, но материалов очень мало, так что пришлось обратиться к областному архиву. Вот уже два года я свой отпуск посвящаю работе в архиве по правой статистике. Ищу, собираю факты и документы буквально по крупицам, по обрывочным сведениям. Предстоит вскрыть огромный даже по времени - 30 лет - неизвестный пласт жизни ГУЛАГовских лагерей. Я нашел поддержку в лице своего дипломного руководителя Омарова, он стал моим научным руководителем. А соруководителем моим как соискателя ученого звания стал директор нашего Балхашского медколледжа, кандидат медицинских наук А. Нурбеков. Доступ к архивам помог получить заместитель прокурора области, курирующий деятельность архива правовой статистики Горький... Вот так все начиналось.

(Окончание следует)

ТАЙНЫ

В печально знаменитом ГУЛАГе (государственном управлении лагерей), оставившем трагический след в судьбах миллионов людей, испытавших на себе муки этого земного ада в годы сталинских репрессий, одним из самых густонаселенных и разбросанных свою сеть по всему Центральному Казахстану был Карлаг (Карагандинский исправительно-трудовой лагерь) НКВД (Наркомата внутренних дел) СССР. Но несмотря на давность событий - а ГУЛАГ развалился вскоре после смерти Сталина, за эти прошедшие полвека спецхраны, ныне именуемые архивами по правой статистике, все еще хранят свои тайны. Доступ к документам эпохи ГУЛАГа ограничен, некоторые из этих документов по-прежнему остаются засекреченными. По-то, что уже не представляет государственной тайны, достаточно красноречиво рассказывает о том, что было, что пережили узники ГУЛАГовских лагерей. Их судьбы можно считать свидетельством обвинения тоталитарного режима. Как судьбу Антонины Ивановны Гикало.

го Зубарева в успехах здешего лагерного отделения.

«В сентябре 1940 года я был выдвинут на хозяйственную работу и направлен для налаживания работы в Балхашском отделении Карлага, которое находилось в прорыве. За 8 месяцев 1940 года отделение проработало с убытками, среди заключенных свирепствовала чинга. Трудовое использование заключенных было плохое. В результате проведенного мною ряда мероприятий по вытязанию отделения из прорыва за остальные 4 месяца 1940 года отделение было выведено в передовые, дав накоплений 703 тыс. руб. и сверхплановых накоплений 328 тыс. руб. В 1941 году было все мобилизовано на перевыполнение поставленных задач, в результате отделение имело накоплений - 1596 тыс. руб., сверх плана 1061 тыс. руб. За 1942 год план накоплений выполнен на 1279 тыс. руб., сверх плана 237 тыс. руб. В 1943 году отделение дало накоплений 1116 тыс. руб., сверх плана 152 тыс. руб. За 11 месяцев 1944 года отделение имеет следующие показатели: накопления 1297 тыс. руб., сверх плана 758 тыс. руб. Кроме того, за 1944 год был организован выпуск разных изделий для потребности для хозяйства Карлага.

Всего за период работы в Балхашском отделении дано в хозяйство Карлага накоплений до 6 млн руб., сверх плана 2159 тыс. руб. Состояние на 1 декабря 1944 года выглядит хорошо, мною как начальником 20-го Балхашского отделения Карлага НКВД все сделано для нормальной работы в 1945 году. Подпись - Зубарева П.И.

Ударный, почти стахановский труд, судя по бодарому репорту начальника Балхашлага, и миллионные прибыли складываются о посильном вкладе заключенных Балхашского отделения в общее дело Победы. Как вспоминали бывшие балхашлаговцы, работали они и в цехах комбината, и на

лагеря - ведь вывел же Балхашлаг из прорыва в передовые! - рассказывает сохранившаяся автобиография. Она тоже обрывается службой в конце 1944 года. Что было дальше, в архиве сведений нет. А вот о том, как Зубарева П.И. дослужилась до должности - без почета - начальница Балхашлага, известно из документов.

Из автобиографии Петра Ивановича следует, что он родился в семье бедняка-крестьянина 26 декабря 1904 года в селе Корпыканово Белокатайского района Башкирии. Отец умер в 1919 году. Старший брат участвовал в первой мировой войне, потом служил в Красной Армии, в бою с белыми был убит.

Петр с 10-летнего возраста, как его братья и сестры, работал по найму, а потом они всей семьей вступили в коммуны «Красное знамя». После ее реорганизации Петр жил в семье дяди, после женитьбы построил себе избу. Летом работал в поле, зимой занимался «охотничеством».

В октябре 1927 года был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), там вступил в комсомол. В январе 1928 года был командирован в 6-й Туркестанский стрелковый полк, после учебы служил командиром отделения, был принят кандидатом в партию. Демобилизовался в 1929 году. В родном селе был назначен заведующим клубом-читальней. В 1930 году принят в партию...

«В период массовой коллективизации я проводил массовую работу по ликвидации кулачества как класса. По рекомендации райкома партии поступил на работу в органы ОГПУ НКВД, затем был командирован на курсы и потом был назначен заместителем начальника политотдела Приютской МТС Бижбулакского района Башкирской АССР. Был снят с работы и предан суду военного трибунала. 19 августа 1934 года осужден по ст. 113 УК РСФСР на два

года без поражения в правах. Отбыл меру наказания при Карлаге НКВД. 20 декабря 1935 года был освобожден и отправлен работать по вольному найму при Карлаге. Все время работал по линии культуры воспитательного отдела управления Карлага, первые годы инспектором, а потом начальником КВЧ Долинского отделения. С 3 сентября 1940 года был назначен на работу начальником Балхашского отделения Карлага НКВД.

Решением заседания Президиума Верховного Совета СССР от 5 июня 1939 года судимость с меня снята. В октябре 1939 года я был принят кандидатом ВКП(б).

Далее следует то, что уже известно читателю: организация ударной работы вверенных ему заключенных Балхашлага на выполнение и перевыполнение заданий. Такая вот история...

И хотя в двух жизнеописаниях - Гикало и Зубарева - их разделяет та самая колючая проволока, на которую Антонине Ивановне уже неважно было даже смотреть, а Петр Ивано-

Рожденные в неволе

— Что удалось обнаружить такое, о чем еще мало знает широкая общественность? Что вас поразило, какие факты?

— К примеру, самым поразительным был факт рождения детей в лагерях. При многих отделениях Карлага были созданы так называемые дома младенцев. Даже при строгом режиме, раздельных зонах для мужчин и женщин, как было и в Балхашлаге, все-таки они встречались. Но когда женщина становилась матерью, ребенка у нее забирали. Дети, рожденные в неволе, воспитывались в доме младенца. В некоторых архивах встречаются свидетельства, что в детских учреждениях было 50 и более мест. И вот еще одно тому доказательство. Одним из лагерных врачей был Яков Константинович Думбадзе. Как следует из его послужного списка, он работал в доме ребенка, а позже в Долинке заведовал акушерским пунктом центрального лазарета. Так что принимал новорожденных младенцев очень опытный врач.

Его судьба по-своему трагична. Он родом из Дагестана, медицинское образование получил в Германии, работал 10 лет в евангелической больнице в г. Одессе. В 1935 году был осужден на пять лет лагерей. Был по этапу направлен в Караганду, работал в 9-м отделении, затем на станции Моинты, потом в Караганде. То, что квалифицированный врач использовался в лагере лишь на должности помощника лекаря, не унизило его достоинств как врача. Когда он в 1939 году был освобожден, его оставили в Долинке — это было нормой. Из лагеря его практически не отпустили, хотя он и числился уже вольнонаемным. После заведения акушерским пунктом центрального лазарета назначили начальником этого лазарета, в 1945 году перевели лечащим врачом, а 25 мая того же года был уволен в связи с выездом. Судя по отметке в архивной справке, его личное дело было выслано в 1947 году в управление трудовыми лагерями в Грузию. Этому человеку могут быть благодарны за спасенные жизни те, кто родился и уцелел в лагерных домах младенцев.

— Судя по тому, что в лагерях были лазареты и даже дома младенцев, можно сказать, что существовала целая медицинская отрасль в Карлаге?

— И довольно развитая, надо сказать, отрасль. Были и аптеки, и САНУ — это санитарные отделы. В архивах упоминаются также малярные станции, дезинфекционные пункты, станции скорой помощи, баклаборатория, психоизолятор, туберкулезные отделения и даже венерологические.

Вот один уникальнейший документ: «Докладная записка оперативно-чекистского отдела Карлага в ГУЛАГ НКВД СССР о состоянии медицинского обслуживания заключенных» от 18 февраля 1943 года, подписанная начальником оперотдела старшим лейтенантом госбезопасности Ямловичем. В ней многократно упоминается, что заключенные больны пеллагрой. Это заболевание, связанное с плохим питанием, неведомое, не только поражало кожу, вызывало кишечные расстройства, но могло привести к нервно-психическим заболеваниям, а иногда и к летальному исходу. В докладной записке приводятся такие факты: в декабре 1942 года в Карлаге было зарегистрировано умерших 1300 человек, в январе 1943 года — 1439 человек. Не указано, какое же количество гибло за год, какой процент они составляли среди всех заключенных. То есть даже при разветвленной системе медицины мало чем могла помочь обреченным людям.

Обреченные на смерть

— Бывшие балхашлаготцы, с кем приходилось встречаться, рассказывали страшные вещи: умерших, прежде чем похоронить, прокалывали штыками,

(Окопчанис. Начало в номере за 8 сентября 2001 г.)

чтобы удостовериться, что люди мертвы. Как в фильмах ужасов!

— Такие факты подтверждают и документы. Страшно было не только умирать, но и жить. В названном уже акте проверки чекистами состояния медицинского обслуживания заключенных от февраля 1943 года приводятся просто дикие случаи. В одном из отделений своей бани не было. До ближайшей — 300 метров. Больных зимой в одном нижнем белье клали по 8-10 человек в сани, накрывали одеялом и везли в эту баню. Были случаи «утери» больных: они

вываливались из саней и просто замерзали при тогдашних морозах до 30 градусов.

Или другой факт из акта: заключенный Тарлыков Алексей был доставлен со стройплощадки в тяжелом состоянии, его поместили... в морг, ночью он начал кричать там, звать на помощь. Ему дали стакан кипятка и хлеба, а утром он умер. Надо сказать, что умирали люди и прямо в бараках: как свидетельствует акт, на участке Березники «с 9-го по 10 февраля в подконвойном бараке умерли пятеро заключенных». Трупы не имели положенных бирок, и даже национальность, не говоря уже о фамилии, определялась по внешнему признаку, как и возраст. Хоронили, как правило, в братских могилах сразу по несколько человек и действительно, как вспоминал один из хоронивших, тела протыкали насковью штыками.

В лагерях постоянными спутниками заключенных были цинга, туберкулез, сыпной тиф, воспаление легких и уже упомянутая пеллагра. Смертность была очень высокой. В акте проверки чекистов отмечалось, что в одном из стационаров находились сразу 250 тифозных больных, на которых приходилось двое врачей. Да еще острый дефицит лекарств. Люди были обречены умирать! И умирали. Причем, как отмечалось в акте, «несоветательны ссылки, что смертность растет за счет вновь прибывших этапов, доставивших истощенных заключенных», так как из умерших в ноябре «по длительности пребывания в Карлаге имеют 4 человека по три месяца, свыше шести месяцев — 13 человек. Это в ноябре 1943 года. В декабре из числа проживших в лагере более полугода умерли 27 человек, аналогично в январе 1943 года — 22 человека».

Бесстрастная статистика, а ведь в ней каждая цифра кричит! Как и приведенный в одном документе факт выдачи ошибочной, взрослой (!) дозы лекарств для введения детям в доме младенца.

Меры все-таки принимались. Так, после акта названной проверки «по линии управления Карлага, в соответствии с указаниями Наркомата, в 10 отделениях введено неограниченное количество коек для больных и пребывание в стационаре продлено до 1 месяца. Введено 3 выходных дня в месяц для заключенных, а также принят

ряд других мер, в частности по предупреждению хищения и разбазаривания продуктов...».

Был проведен и ряд организационных мер по укреплению кадрами, в том числе в лагерной медицинской системе. Во всяком случае, в архиве я видел документ, выданный в Балхашском отделении Карлага Екатерине Михайловне Хвалынской, удостоверяющий, что она окончила шестимесячные курсы по подготовке фармацевтов при учебном комбинате Карлага. В числе изучаемых предметов были обществоведение, русский язык, химия, физика,

лага, когда она уже была вольнонаемной. Другая известная фамилия — Думбадзе, врач-акушер, о котором я тоже ранее упоминал. Еще одна яркая личность — приват-доцент Одесского института усовершенствования врачей Гончаров. Он был арестован за «контрреволюционную деятельность» в 1937 году. Известный хирург, автор многих научных трудов, 30 лет заведовавший хирургическим отделением, Константин Григорьевич Гончаров был заключенным Карлага, отбывал срок в Долинке вплоть до 1942 года. Но и после освобождения его не отпускали еще долго.

то уже знал сам цену лагерной баланды. Таких людей провоцировали специально, еще крепче привязывая их к лагерной цепи, хотя и в качестве начальников над заключенными. Так, с июня 1939 года Древица стал начальником САНУ Карлага. Точно известно, что он работал там в годы войны — в документах того времени его имя встречается часто.

— Да, по судьбе Древица можно писать географию всего ГУЛАГа. Соловки, Беломоро-Балтийский канал, Сочинский лагерь, про который слышу впервые, потом Карлаг в Казахстане! И снова та же карусель: то он заключенный, то служит в НКВД — странная судьба! А в документах не встречалось вам имя нашего земляка — хирурга Чезули, тоже прошедшего через Карлаг?

— Я тоже им интересовался. Но его личного дела нет в архиве Караганды, возможно, оно было передано потом на Украину, куда он уехал из Балхаша. Специально отыскал штатное расписание Балхашлагской больницы, записал имена работавших там врачей: Лидии Мефодьевны Липченко и зубного врача Клавдии Васильевны Тоникс-Бекетовой. К сожалению, их личных дел нет, только карточки, подтверждающие, что они работали в Балхашлаге. Но поиск веду. Ведь пока собран материал по Карлагу только до войны, предстоит еще составить картину медобслуживания в лагере вплоть до 1959 года.

— Это же огромный труд! Не жалевте, что взялись за него?

— Нет. К тому же дает силы чувство, что иду как первопроходец: тема абсолютно не исследована. Вот случайно встретил в документах имя, а потом и нашел дело начальника Балхашлага Зубарева, переписал от руки в свою тетрадь, которую в архиве на входе и выходе проверяют. Он ведь тоже человек из истории нашего края.

Выставка в музее

— Найденные вами документы где-то уже были представлены?

— Да, была организована выставка в городском балхашском музее. Рад, что заинтересовалась моей работой ваша газета. Возможно, кто-то вспомнит другие факты, пока неизвестные, по истории Балхашлага. Буду рад любой информации.

— А ваши студенты знают о ваших архивных поисках? И вообще, как вы считаете, сегодняшней молодежи надо знать о ГУЛАГе?

— Во-первых, мои студенты и в медицинском колледже, и в Казахстанском-Российском гуманитарном университете, где я тоже преподаю, знают о Карлаге. Я же рассказываю об этапах развития современного общества, а гулаговские лагеря — одна из страниц этой истории, хотя и достаточно мрачная. Но история как наука предполагает прежде всего правду: историческую, фактическую, документальную, а не идеологизированную, как было в советские времена, когда даже энциклопедические словари все понятия трактовали с точки зрения коммунистической идеологии. Там нельзя найти даже упоминания о ГУЛАГе, а замалчивание чревато рождением одинаково-мыслия и манкуртизма.

Человек сам должен выбирать свой путь в этом мире! Формирование личности начинается с пробуждения у молодежи интереса к собственной стране, к отечественной истории. Меня радует, что моим студентам такой интерес присущ. К примеру, сейчас в медколледже в моей группе готовятся научные доклады по персоналиям, в том числе их заинтересовали личности врачей, работавших в ГУЛАГе. Так что у меня есть чувство удовлетворения оттого, что истории Отечества нужна молодежь по потребностям души.

— А как продвигается диссертация?

— Хотелось бы больше иметь для этого свободного времени, чтобы поработать с архивными документами, завершить сбор материала. Пока мною подготовлена статья для научного журнала, издаваемого в Карагандинском университете, о первых проведенных исследованиях по моей научной теме. Надо работать дальше.

Т. ТРИГОРЬЕВА

ТАЙНЫ СПЕЦХРАНА

Вернулся ли он в родную Одессу потом, не знаю. Но о нем очень хорошо отзывались все, знавшие его, как о враче с большой буквы. Ему была дана в лагере единственная привилегия: он работал по специальности — хирургом.

И еще одна неординарная личность — Георгий Михайлович Древица. Он был начальником санитарного отдела САНУ в центральном лазарете в Долинке. Его фамилия неоднократно встречалась мне в различных приказах по САНУ, циркулярах. Но когда я запросил его личное дело, то удивился превратностям судьбы этого человека. Он был незаконнорожденным ребенком, потому в его деле прочерки в графе «отец», не указаны национальность и даже год рождения, написано: «родился в конце XIX века». Фамилия дана матери, отчество — от крестного отца.

Он окончил четырехклассное училище, с матерью был эвакуирован в годы первой мировой войны в Смоленск. Здесь учился в частной гимназии, сам оплачивал свою учебу, подрабатывая частными уроками для других гимназистов. Его отчислили как «чуждый элемент».

В первую мировую успел послужить санитаром в госпитале, участвовал в борьбе с эпидемией «испанки» — сыпного тифа. Служил санитаром в Красной Армии, был помощником лекаря, потом работал клубным работником, окончил курсы комсомола и был в резерве политуправления РКС (Революционный военный совет). Служил в штабе Западного фронта, а в 1922 году направлен на работу на медицинский факультет, он учится и служит в нефтесиндикате в Ростове. Был арестован по громкому делу Невзорова, связанному со взяткой, на пять лет сослан на Соловецкие острова, где работал врачом-хирургом до 1930 года. Был освобожден, работал в Липецкой больнице.

Потом началась служба в НКВД — был начальником лагеря в знаменитых Соловках, видимо, по злой иронии судьбы, ведь там он отбыл срок как заключенный. Два года на Соловках. В 1935-м назначен начальником санчасти Беломоро-Балтийского лагеря. Потом работал в Сочинском лагере, там был еще раз арестован, видимо, за превышение своих полномочий, хотя в те времена нетрудно было найти любую статью, чтобы человек чувствовал себя под надзором бдительного наблюдателя за ним глаз. На этот раз отсидел три года и был досрочно освобожден. После этого работал хирургом в Кемской больнице. И снова пришел работать в НКВД. Похоже, призывали туда сознательно тех,

которым отводилось, правда, не много часов. Химии, например, 15 часов, зато по фармации — 500 часов, по фармакологии — 1200 часов. То есть подготовка была основательной. В справке, выданной Хвалынской, отмечено, что «испытания выдержала на «отлично» и ей присвоена специальность помощника фармацевта». Думаю, Екатерина Михайловна сумела помочь многим, как и другие врачи.

Люди в белых халатах

— Архивы сохранили имена людей в белых халатах, тех, кто помогал заключенным выжить в Карлаге?

— Да. Я ознакомился с несколькими личными делами врачей Карлага и могу сказать, что в большинстве своем это были удивительные люди. Через Карлаг прошла настоящая медицинская интеллигенция, люди с высшим образованием, большим опытом работы, уникальные специалисты. Так, я читал об уникальнейшей операции на головном мозге, проведенной в Карлаге. В лагере — трепанация черепа! Причем пациенткой была чуть ли не дочь начальника лагеря Линина, но это еще мне предстоит уточнить при следующем посещении архива. Потенциал медицинских кадров был сам по себе уникальным.

Я уже рассказывал о судьбе Гикало. Она опытный специалист по лечению туберкулеза. Может быть, это одна из причин, по которой ее долго не отпускали из Кар-